Доходили до конца, увидали чернеца.
Девки песенки запели, чернецу плясать велели.
Как начал же наш чернец, чернец бедный поплясывать,
Про свое житье Машеньке рассказывать:
Не роди, боже, на свете молодым монахом быть,
Не велят монаху во царев кабак ходить,
Зеленое вино пить,
И еще того тошнее — красных девушек любить.[1]

Таким образом, тема «Калязинской челобитной» подводит нас непосредственно к подлинному быту монастырей, каким его знают исторические документы и второй половины XVII в. и гораздо более позднего времени, пока вообще существовали монастыри. Но если мы сравним самую манеру изображения этого пьянства автором «Калязинской челобитной» и его современниками — авторами челобитных-жалоб, то преимущество останется на стороне первого. Все они говорят об одних и тех же фактах, но то, что в челобитных передается однообразными застывшими жалобами — «пьют и бражничают безобразно», «церковь божия стоит без пения», «монастырь запустошили» и т. д. — у автора «Калязинской челобитной» развертывается в живой и образной картине. Взяв схему челобитной, как она закрепилась к его времени, наш автор заполнил ее рядом умело схваченных моментов монастырской жизни, показал типы, которые надолго сохранили для читателя свою правдивость — и в этом, конечно, разгадка такой длительной популярности памятника, говорящего о старой и привычной в русском быту теме. Реализм изображения в «Калязинской челобитной» доведен до высокого мастерства. «Понамари-плуты», которые «из колоколов много меди вызвонили, железные языки перебили, три доски исколатили», «старец Уар», который «подле келей з дубиной» ходит, «в келейные двери колотит», «кривой Фалалей», «с шелепом» стоящий у монастырских ворот и непускающий «богомольцев» в слободу «коровницам благословеня подать», наконец сами монахи, сидящие «круг ведра без порток в одних свитках», которые к утру от этого занятия так «утрудятся», что не помнят «где клобук с мантией» — все это типы, оживающие перед нами, благодаря нескольким удачно набросанным штрихам. Образность языка проходит через все изложение в «Калязинской челобитной». Автор не говорит просто о строгости архимандрита, о том, что он подает монахам пример умеренной жизни, а иронически пишет, что у него «смыслу не стало», «вдрух ума не стало», «сухой хлеб жует, мед весь перекис, а он воду пьет, мыши с хлеба опухли, а мы

[1] А. И. Соболевский. Великорусские песни, т. VII, СПб., 1902, стр. 309—310.